

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В 2010 году, впервые попав в Италию, я зашел в один крупный книжный магазин. И очень удивился, обнаружив, что самый большой стеллаж в отделе литературы для детей целиком занимают книги писательницы, имя которой мне тогда ни о чем не говорило. При случае я спросил о ней у знакомых итальянцев. Оказалось, это самый известный и популярный итальянский детский автор. «А как же Джанни Родари?» — наивно поинтересовался я. «Ну, ты вспомнил! — отмахнулись они. — Джанни Родари — это когда было...»

Итальянским языком я в те времена еще не владел, а на русском этих книг тогда не было. И только в следующем году, когда в России вышла повесть «Послушай мое сердце» в блестящем переводе Ксении Тименчик, мне удалось приобщиться к творчеству той, чьи книги знает и любит вся Италия. Ее слог, ее сюжеты и герои очаровали меня с первой фразы. И пару лет спустя, уже выучив итальян-

янский, я начал переводить именно с книг Бьянки Питцорно.

Вы держите в руках первую автобиографию этой прекрасной писательницы. Будучи человеком скромным, синьора Бьянка дала ей ироничное название «Тетка с книжкой» и подзаголовок «Читательский автопортрет», намереваясь представить себя в первую очередь именно читательницей (и, как мы узнаем, читательницей страстной). Каждое событие своей жизни, особенно детства и юности, она трактует через призму прочтенных в то время книг. Чего мы здесь не встретим, так это автопортрета писательского, объяснения, как и откуда родились семь десятков произведений, которые без труда можно найти в книжных магазинах и библиотеках разных стран. На русский язык пока переведено далеко не всё. Тем не менее мне хотелось бы заполнить пробел, немного рассказав о творчестве Бьянки Питцорно и его корнях.

Первый и самый очевидный источник вдохновения — классическая итальянская детская литература, в которой очень силен элемент нонсенса, или принцип «фантастических гипотез», придуманный Джанни Родари. Вот что он пишет в своей «Грамма-

тике фантазии»: «Техника фантастических гипотез предельно проста. Она неизменно выражена в форме вопроса. Что было бы, если?.. Для постановки вопроса берутся первые попавшиеся подлежащее и сказуемое. Их сочетание и дает гипотезу, на основе которой можно работать. Пусть подлежащим будет «город Реджо-Эмилия», а сказуемым — «летать». Что было бы, если бы город Реджо-Эмилия начал летать? Пусть подлежащим будет «Милан», а сказуемым «окружен морем». Что было бы, если бы Милан внезапно оказался посреди моря?»

Таковы многие итальянские книги, неплохо известные российскому читателю. И речь не только о Джанни Родари: среди них можно назвать и «Раздвоенного виконта» Итало Кальвино, и «Невероятное нашествие медведей на Сицилию» Дино Буццати, и «Ренатино не летает по воскресеньям» Ренато Рашела, и «Сказки для тех, кто лучше всех» Роберто Пьюмини. К чистым образцам того же жанра я бы отнес «Дом на дереве» и «Инопланетянина по обмену» Бьянки Питцорно.

В другую придуманную Родари игру, «перевирание сказок», Питцорно играет не менее виртуозно. В «Невероятной истории Лавинии» девочке

со спичками из сказки Андерсена является добрая фея. В «Амазонке Александра Великого» воспитанная волками девочка попадает в армию Александра Македонского. «Удивительное путешествие Полисены Пороселло» переиначивает трагическое «Без семьи» Гектора Мало. А «Французская няня» знакомит читателя с неожиданным взглядом на персонажей «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте.

Не менее интересен и исторический пласт творчества писательницы. Родившись на Сардинии, она всегда мечтала рассказать об одной из важнейших фигур борьбы за независимость этого острова, средневековой правительнице Элеоноре Арборейской, прозванной «Жанной д'Арк Сардинии». Правление Элеоноры и по сей день считается «золотым веком» сардинской государственности. Под ее руководством была принята «Карта де Логу» — свод уголовных, гражданских и процессуальных законов, впервые в Средневековье наделивший женщин собственностью и правом отказаться от замужества.

Проведя более пяти лет в архивах, Питцорно создала масштабное биографическое исследование, «Житие Элеоноры Арборейской», ставшее настолько популярным, что 35 000 экземпляров вто-

рого издания книги, поступившие в продажу только на Сардинии, были полностью раскуплены всего за три часа и пришлось срочно делать допечатку.

По настоянию Элеоноры Арборейской в «Карта де Логу» был включен и раздел, посвященный охране соколов, которых с тех пор стали называть «соколами Элеоноры». Именно этот факт натолкнул Бьянку Питцорно на мысль о детском романе на средневековый сюжет — «Девочка с соколом». А хроники инквизиции подсказали писательнице идеи для двух произведений о ведьмах: юмористического романа «Моя маленькая ведьмочка» и драматичной повести «Ведьма» в сборнике «Колдовство».

И все-таки, говоря о главных произведениях синьоры Питцорно, мы в первую очередь вспоминаем «автобиографический» цикл «Сага о Лоссае» и его вершину, повесть «Послушай мое сердце», изданную тиражом более 300 000 экземпляров в одной только Италии.

Поначалу кажется, что «Послушай мое сердце» — обычная школьная повесть, каких много было и в Италии («Сердце» Эдмондо Де Амичиса, «Дневник Джанни Урагани» Вамбы), и даже в России, начиная со

Льва Кассиля и заканчивая Владимиром Железниковым. Три подружки-одноклассницы во главе с непоседливой Приской, столкнувшись с произволом учительницы и безразличием взрослых, берут восстановление справедливости в свои руки, параллельно решая множество самых разных проблем.

Рассказы Приски, считающей себя будущей великой писательницей, — самый притягательный момент книги. Смешные или страшные, повествующие о любви или жутких карах, ждущих отвратительную синьору Сфорцу, они неизменно очень живые и представляют собой одни из лучших образцов мировой детской литературы. Да и сами героини — не схематичные подружки, которые различаются только склонностями и цветом волос, а живые девочки, каких можно встретить в любой школе. Временами они выдумывают невероятные глупости, временами ошибаются, совершают поступки, которых сами же потом стыдятся, что делает их искренними и настоящими.

Но главное, Бьянка Питцорно не ограничивается традиционно школьными проблемами, вроде оценок или конфликтов с вредными одноклассницами. Ее волнует нищета, неграмотность, эксплуатация дет-

ского труда. О послевоенном детстве итальянских девочек теперь чаще судят по романам Элены Ферранте, где описаны бедные периферийные кварталы и героини, закончившие только начальную, максимум младшую среднюю школу. На их фоне Приска с подругами, чьи семьи могут позволить себе и няню, и прислугу, кажутся изнеженными «маменькиными дочками». Однако не замечать несправедливости они не могут и борются с ней в каждом ее проявлении.

Многие читатели считают, что под маской писательницы Приски скрывается сама Бьянка Питцорно, но она категорически против: «Мои черты есть во всех трех подругах, хотя больше всего их в Розальбе: я в то время мечтала стать художницей». Тем не менее многие персонажи повести «Послушай мое сердце» имеют вполне реальных прототипов, так что книгу и последовавший за ней цикл «Сага о Лоссае» нередко называют автобиографическими.

Столь же автобиографическим считают и ее первый «взрослый» роман, написанный уже в семидесятипятилетнем возрасте, «Интимная жизнь наших предков. Пояснительная записка для моей кухни Лауретты, которой хотелось бы верить, что она

родилась в результате партеногенеза». В персонажах этой книги нет-нет да и проглянут старые знакомые из ее детских книг. Да и сама Ада Бертран, бунтарка-хиппи конца шестидесятых, знаток археологии и древних мифов, очень напоминает повзрослевшую Приску, Элизу или Розальбу.

Однако поклонникам синьоры Бьянки всегда хотелось знать, насколько эти произведения можно назвать автобиографией, или, как теперь модно говорить, автофикшеном. И она наконец дает ответ — в неожиданном жанре «читательского автопортрета». Но ведь так даже интереснее, правда?

Андрей Манухин

*Россане Витале, с одиннадцатилетнего возраста
разделявшей мою страсть к чтению;
терпеливо выслушивавшей мои самозабвенные восторги;
сражавшейся со мной бок о бок после уроков
в битвах Троянской войны;
служившей мне алтарником, когда я,
за неимением священника,
сама читала мессу на латыни в крохотной
лесной церквушке;
опасавшейся, как и я, выходить из залитой светом
комнаты на темную лестницу:
вдруг появится «мисс Джессел» из «Поворота винта»
Генри Джеймса,
а также ее дочери Паоле д'Альбертон, с самого детства
радостно сопровождавшей меня на самых причудливых
читательских тропях*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга задумывалась не как очерк о чтении или, тем более, о литературе в целом, а как своего рода мемуары, чехарда воспоминаний и не особенно связанных размышлений о книгах, которые, возникая в тот или иной период в моей жизни, неким образом на нее повлияли. Учитывая, что бегло читать я научилась уже годам к семи, а мне вот-вот стукнет восемьдесят, временные рамки выглядят весьма широкими. И тем не менее меня ужасно гнетет, что я так и не смогла прочесть все книги, какие хотела. Рассказывая о них, я не собираюсь строго придерживаться хронологического порядка — буду скакать туда-сюда по годам и эпохам, следуя мысленным ассоциациям, соединяющим в моей голове предметы и события. Не стану перечислять все: многие книги наверняка ускользнут из памяти, да и в любом случае слишком длинный список вас утомит. Упомяну, однако, и о тех, которые мне не понравились. Вероятно, кое-кто не согласится, как, впрочем, и с переч-

нем моих любимых. Что тут скажешь? О вкусах не спорят: на наше счастье, все читатели разные.

Заранее прошу прощения, если буду злоупотреблять выражениями, описывающими скорее романтические отношения: *любовь с первого взгляда, страсть и страстность, влюбляться и любить, любимый и обожаемый...* Так уж получается, что именно они наилучшим образом подходят для определения чувств, переживаемых мной всякий раз, когда я встречаю писателя или писательницу, в которых чувствую родственную душу или даже узнаю саму себя, в чей мир мне хотелось бы войти, в чьих книгах я обнаруживаю события, чувства, персонажей и темы, покоряющие мое сердце, заставляющие чувствовать любовь, страсть, очарование, восторг и вместе с тем боль, гнев, негодование. В молодости, если книга оставляла меня равнодушной или навевала скуку, во мне вскипала ненависть, ведь я тратила на нее драгоценное время, хотя могла бы посвятить его другой. Это ощущение влюбленности или крайнего раздражения возникает у меня до сих пор, хотя с годами я поняла, что книгу, которая нам не нравится с первых же страниц, приличествует и даже надлежит поскорее бросить.

Умение читать

В 1982 году мне пришлось перенести операцию и дней двадцать провести в больнице. Тогда, воспользовавшись случаем, я решила прочесть двухтомник Музиля «Человек без свойств»³. За пару лет до того я уже за него бралась, и он меня заинтересовал, даже заинтриговал; придя к нему длинной читательской тропой, я понимала, что если не одолею этот этап, то путь мой прервется. Но сколько бы я ни открывала книгу, продвинуться дальше десятка страниц так и не смогла. Между тем к сорока годам мне покорились уже сотни томов, многие из которых были весьма заковыристыми, многие — откровенно скучными; встречались и написанные на других языках, что требовало еще более значительных стараний и упорства. И все-таки некоторые книги — к счастью, немногие — мне никак не давались. Принявшись за них, я всякий раз, непонятно почему, словно бы упиралась в стену и вскоре бросала, с невероятным облегчением погружаясь в другое чтение. Полегче? Позанимательней? Ближе моим вкусам? По правде сказать, не знаю.

Однако теперь я решила, что приму вызов и, не оправдываясь более ленью, превозмогу свой сту-

пор. Других книг я с собой в больницу не брала, поскольку знала, что без чтения не продержусь и дня. Либо Музиль, либо полная безнадега.

И это сработало. Уже на следующий день после операции, едва отойдя от наркоза, я снова взялась за «Человека без свойств» и проглотила разом страниц сорок. Книга оказалась не такой уж сложной, мне даже почти понравилось. В итоге за следующие две недели, невзирая на отсутствие альтернативы и определенную потерю концентрации, вызванную непрерывно включенным у моей соседки по палате телевизором, я умудрилась прикончить оба тома. Прочла их от корки до корки и осталась довольна. Не могу сказать, что влюбилась в них или внезапно обнаружила, что именно этой книги мне в жизни не хватало, но точно оценила качество изложения, персонажей, тему, стиль; мой разум обогатился, и я была благодарна автору.

Соседка по палате между тем поглядывала на меня с огромным любопытством: она никак не могла взять в толк, отчего это я вечно сую нос между страницами, не выказывая ни малейших признаков скуки и даже изредка не поднимая глаз к экрану.

Разумеется, случалось, что читать было невозможно — во время приемов пищи или с воткнутой

в руку иголкой капельницы. В такие моменты, хотя телевизор по-прежнему был включен, мы с соседкой общались. И когда познакомились поближе, между нами зародилось нечто вроде солидарности или симпатии, что вылилось в отношения почти дружеские. Чуть моложе меня, эта женщина была замужем, воспитывала двоих детей, работала кассиром в супермаркете и за всю жизнь не прочла ни единой книги. Нет, она окончила восемь классов, так что читать ее, конечно, в свое время учили, а потом и заставляли: задачи в учебниках, несколько рассказов, подходящих для упражнений на логический анализ, пару стихотворений. Однако, говорила она, эти задания были настоящей пыткой и стоили таких колоссальных усилий, что она выбросила их из головы, как только выпустилась. И все же повествовательный жанр ей нравился. Телевизор в палате всегда был настроен на южноамериканские мыльные оперы, совершенно покоровшие в те годы итальянскую публику; время от времени даже я смотрела мексиканские постановки, завораживающие своей безыскусностью.

В какой-то момент меня охватил миссионерский пыл: я хотела, чтобы соседка осознала, до чего

хорошо читать и сколько удовольствия от этого можно получить. Не стоит, наверное, подумалось мне, мучить ее «Человеком без свойств», способным измотать даже одержимого книжного червя вроде меня самой. И я попросила друзей и подруг, которые меня навещали, принести нам что-нибудь простенькое, типа любовных романов, желательно покороче и с захватывающими сюжетами. Но все оказалось впустую. Моя соседка в самом деле старалась: техника была ей знакома, и пускай читать про себя она не умела, но слова бормотала тихо-тихо, едва слышным шепотом. Однако, дочитав страницу, смотрела на меня пустыми глазами, не уловив ни капли смысла, не поняв, чем заняты персонажи, не запомнив вообще ничего. Ей было неловко, она хотела сделать мне приятное, но просьбу мою находила нелепой. Я попыталась прочесть ей историю вслух и попросила пересказать. Она не смогла. Тогда я предложила вкратце познакомить меня с сюжетом только что просмотренной мыльной оперы.

«Ну, значит... в общем, она его любит, а он ей изменяет. Она рыдает, он сердится, потому что врет», — больше ничего соседка сказать не могла. Кем были эти герои, где они жили, как познакоми-

лись, во что были одеты, через что прошли... Любит, изменяет, сердится, рыдает. Конец истории.

Никогда раньше я не встречала подобных людей. Когда мне было девять, в нашем доме появилась четырнадцатилетняя девчонка, ставшая няней для моей новорожденной сестры. Родом из крохотной деревушки, она была до крайности бедна и, конечно, неграмотна. Однако, подглядывая тайком, как мы с братом делаем уроки, время от времени упрасывая нас прочесть то рекламное объявление в витрине, то надпись на постаменте памятника, обходясь только карандашом и блокнотом, она меньше чем за год научилась читать и писать. Следующим летом, отдыхая на побережье, мы застали ее во время сиесты в полутемной спальне: вода пальцем по строчкам, она читала «Обрученных»⁴, поскольку приходский священник сказал, что это очень важная книга. Потом, правда, эта девчонка стала заядлой поклонницей фотороманов⁵ и даже подписалась на «Гранд-отель»⁶. Но это уже другая история⁷.

Тем не менее к сорока годам я подошла с убеждением, что читать для человека так же естественно, как дышать, говорить или плыть, если бросят в воду. Так было со мной и со всеми, кого я знала. Разумеется,